

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.17223/19986645/95/9

Осмысление образа Ребенка в контексте утопического концепта «Ускорение» в русской прозе 1930-х гг.

Светлана Леонидовна Андреева¹, Майя Леонидовна Бедрикова²

^{1,2} *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*

¹ 216zamsv@mail.ru

² mlbedrikova@gmail.com

Аннотация. Традиционная для утопий интерпретация образа Ребёнка восходит к «Государству» Платона. С XIX в. начинается трансформация утопического концепта «Ребенок/Дети», который в первой трети XX в. обновляет содержание в связи с появлением концепта «Ускорение»: новый Ребёнок должен стать главным «потребителем» Счастливого Будущего. Трансформация образа прослеживается в русской советской прозе 1930-х гг. (В. Катаев «Время, вперёд!», М. Пришвин «Осударева дорога», Л. Леонов «Дорога на Океан»).

Ключевые слова: русская советская проза 1930-х гг., утопический тип сознания, концепт «Ускорение», образ Ребёнка, В. Катаев, М. Пришвин, Л. Леонов

Для цитирования: Андреева С.Л., Бедрикова М.Л. Осмысление образа Ребенка в контексте утопического концепта «Ускорение» в русской прозе 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 95. С. 164–186. doi: 10.17223/19986645/95/9

Original article

doi: 10.17223/19986645/95/9

Comprehension of the Child's image in the context of the utopian concept in Russian prose of the 1930s

Svetlana L. Andreeva¹, Maya L. Bedrikova²

^{1,2} *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation*

¹ 216zamsv@mail.ru

² mlbedrikova@gmail.com

Abstract. The article explores the image of the Child, which is traditional for the utopian sphere of concepts, starting from Plato's *Republic*. The material is Russian Soviet prose of the 1930s (Valentin Kataev's *Time, Forward!* (1931–1932), Mikhail Prishvin's *The Tsar's Road* (1933–1947), Leonid Leonov's *Road to the Ocean* (1935)). The utopian content of the concept "Child/Children" had already been transformed in the

19th century. In the first third of the 20th century, due to the formation of the concept "Acceleration", it acquired a new content: the upbringing of a child and the emerging of a new man are a super-task of the epoch for the acceleration of history and the achievement of communism. A child is the factor of "acceleration" and the main "consumer" of the Happy Future. The Soviet literature of the 1930s depicted the process of education of the younger generation. In the article, the authors analyze three novels, each is different in topics, style, plots and other components of a literary whole, but the writers are united by the depicted type of the Child. There is a type of child, *tabula rasa*, in the typology of the Child, demanded by utopians – from Plato to modern times. It is organic to the utopian sphere of concepts, Russian and European utopian thought at the turn of the 20th century, and it was actualized in the official ideology in the Soviet period. The writers use all the variety of literary techniques and expressive means to create the image of the Child, the rich potential of modifications of the novel genre. The image of the Child in "industrial prose" is presented as a factor of acceleration on the way to the Communist Future in the context of futuristic ideas of the time. In the novel-chronicle *Time, Forward!*, the Child is the highest value that determines the Bright Future. Valentin Kataev establishes the connection of the concept "Acceleration" with the concept "Childhood" in the light of the "theory of pace". In *The Tsar's Road*, the landmark event of the Great Utopia (the construction of the White Sea-Baltic Canal) is connected with the fate of the boy Zuyk, a coast-dweller. Mikhail Prishvin's *tabula rasa* child is an archetypal child captured by the pace of the technological revolution of the Soviet state. Leonid Leonov in his *Road to the Ocean* combines the images created by the Russian Revolution of 1917, the features of the new utopian consciousness with the features of the national character, works with the material familiar to the reader – the life of the province. The image of the heroine of the novel, Liza, is most vividly and psychologically authentically revealed. Narrating about Liza the child, the writer meticulously recreates the image of a family paradise "in the glorious city of Porozhensk in the midst of the war". Leonid Leonov builds a programme of upbringing for the *tabula rasa* Child. In the present, the characters are engaged in "the final assault to transform the planet".

Keywords: Russian Soviet prose of 1930s, utopian type of consciousness, concept "Acceleration", image of Child, Valentin Kataev, Mikhail Prishvin, Leonid Leonov

For citation: Andreeva, S.L. & Bedrikova, M.L. (2025) Comprehension of the Child's image in the context of the utopian concept in Russian prose of the 1930s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 164–186. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/95/9

Введение

Среди концептов утопического сознания, из которых выстраиваются модели идеальной жизни человечества, есть концепт «Ребёнок/Дети». Его содержание и концептуальные связи не менялись многие столетия, сохраняя понимание роли детей в обустройстве идеального государства и общества.

Привычный для нас, поколений XX и XXI вв., тезис «Всё лучшее – детям» (приписываемый В.И. Ленину) возник спустя многие столетия и даже тысячелетия после появления первых утопий. Идея обустройства мира для счастья потомков лишь с недавнего времени становится доминирующей для реализации утопических проектов и представляется как природосообразная

не с точки зрения селекции, отбора, а с точки зрения сохранения человеческого рода. Однако так было не всегда. В 1974 г. американский историк и психолог Л. Демоз писал: «История детства – это кошмар, от которого мы только недавно стали пробуждаться» [1. С. 13]. Достаточно вспомнить, например, что З. Фрейд и последователи психоанализа всегда искали и ищут корни психических и психологических проблем в детстве своих пациентов – несчастливом этапе становления. Историки, социологи, психологи, педагоги, изучающие эволюцию детства, отмечают, что отношение к детям и детству как периоду жизни менялось вместе с представлениями о семье и роли женщины (см.: Ф. Арьес [2], Л. Демоз [1], Е.Н. Суворкина [3] и др.).

Концепт «Ребёнок/Дети» всегда присутствовал в утопическом сознании, но роль детей была ограничена функцией обеспечения процветания государства (Платон, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локк и др.). В конце XIX в. концепт «Ребёнок/Дети» включился в идеологическую канву утопизма в статусе общечеловеческой ценности. Только в XX в. ребенок как ценность получил самостоятельное юридическое закрепление в Конвенции о правах ребенка (1989), при том что Конвенция о защите прав человека и основных свобод появилась в Европе раньше, в 1953 г. История трансформации содержания указанного концепта не является предметом исследования в данной статье и ещё требует отдельного рассмотрения. В рамках этой работы мы обращаем внимание на то, какие связи и какое содержание получил данный концепт в связи с формированием концепта «Ускорение».

Пренебрежение Настоящим, нетерпение построить/увидеть Царство Небесное на земле породили идею ускорения времени за счёт самоотречения тех, кто живёт в Настоящем, и за счёт изобретения новых, как сейчас говорят, прорывных технологий буквально во всём. Концепт «Ускорение» отмечен в русской культуре в первой трети XX в. [4. С. 249–250; 5]. Он проник во многие тематические сферы отечественной литературы, заложив новые векторы осмысления мира и себя в нём.

Тотальная занятость утопистов вопросами Будущего принесла в жертву Настоящее – реальную жизнь людей. В погоне за построением Царства Небесного на земле текущая жизнь людей обесценилась. Ценность Настоящего свернулась до нуля, оно осталось лишь в качестве периода, который человек вынужден проживать, или чтобы смочь построить Будущее для своих детей и других поколений, или чтобы построить Будущее для себя, где и начнётся для него жизнь.

Апробация утопических проектов в реальной действительности XIX–XX вв. происходила путём внедрения новых технологий, приближающих всеобщее счастье, сформировали концепт «Ускорение», который окончательно подчинил взрослое поколение живущих людей целям и задачам построения Светлого Будущего если не для себя, то для будущих поколений. Идея Прекрасного Будущего в контексте ускорения времени логически обозначила детей как единственных субъектов, которые реально смогут дожить до счастливого времени и у них будет Счастливое Настоящее.

Фактор ускорения порождается существующей в утопическом сознании проблемой несовершенства природы человека, его бессилия перед старением и смертью. Выход есть: воспитать новое поколение, которое будет лучше, совершенней предыдущих. Ускорить прогресс возможно, если всё начать с чистого листа (*tabula rasa*) – и уже сейчас, в Настоящем, наделить Ребенка качествами человека Будущего.

Моделирование образа Ребёнка Будущего становится условием опережения времени для рывка в Будущее. Опыт жизни предыдущих поколений людей переосмысливается утопистами, просеивается сквозь сито идеологии: взять то, что пригодится в Будущем, и отвергнуть прежнее («тёмные века»), чтобы ускорить развитие свободного человечества. Поколения, живущие в Настоящем, жертвенно расходуют жизненную энергию ради будущих людей совершенной природы, способных достичь бессмертия. Не только идеология, но и определённые философские идеи лежат в основе подобных воззрений, системы ценностей.

Художественная литература является действенным средством воспитания. Неудивительно, что русская советская литература 1930-х гг. отразила процесс воспитания молодого поколения. В центре внимания в статье будут найдены три совершенно разных по тематике, стилю, сюжету и прочим параметрам произведения трёх разных авторов, которые зафиксировали этот образ именно в контексте ускорения нового времени: роман «Время, вперёд!» (1931–1932) В. Катаева, роман-сказка «Осударева дорога» (1933–1947) М. Пришвина и философский роман «Дорога на Океан» (1935) Л. Леонова.

Постигая «смысл» современности, авторы романов (производственного, философского, «романа-сказки»), исторической повести, сказки-были воссоздают пафос своего времени и его мироощущение. Ускорение времени в мировосприятии 1930-х гг. объяснимо, с одной стороны, тотальным влиянием идеи управления временем, а с другой – естественным присутствием утопического сознания в концептосфере советской художественной литературы.

Методы исследования

Образ Ребёнка раскрывается в литературном произведении как архетипическая основа сюжета в соответствии с замыслом автора. В сюжетах советской прозы 1930-х гг., включающих утопическую модель, нас интересует художественная реализация образа Ребёнка в типологическом аспекте. Данная цель определяет комплекс методов исследования: историко-литературный подход, применяемый нами для обнаружения путей развития образа в русской литературе первой трети XX в., а также для определения места и значения каждого из указанных произведений в этом развитии, сочетается с методами концептуального анализа; семиотический метод позволяет выявить скрытые смыслы в интерпретации образа Ребёнка в выбранных для анализа художественных текстах; типологический метод даёт возможность обнаружить характерные для утопического сознания 1930-х гг. содержание

концепта «Ребёнок/Дети» и его связь с концептом «Ускорение»; привлечение системного метода в рамках историко-сравнительного позволяет сделать выводы о взаимозависимостях и обратных связях, подчинении внутренней организации разных по жанру и темам произведений более общей «семантической системе» текста для концептосферы утопического сознания, отражённой в литературе.

К. Маркс именовал время мифа «детством человечества», согласно этой логике, концепт «Детство» оказался в фокусе утопистов XX в., чтобы знаменовать собой начало подлинной истории человечества в его движении к Будущему, где нет места дисгармонии, старости, «травмы смерти», где процветают гармония, юность и бодрость духа.

Обсуждение

Предлагаемое исследование учитывает научные сведения об эволюции детства как определенной культурно-исторической ценности и «социальной категории, обрамленной различными институтами, а также различными ритуалами, законодательством, направленными к возрастным ограничениям» [6. С. 357]. Такой подход вписывает концепт «Ребёнок/Дети» в общую конструкцию идеи идеального государства (Платон, Т. Кампанелла, Г. Гегель, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локк, К. Маркс, В. Ленин и др.) [7].

Большой интерес с точки зрения понимания содержания концепта «Ребёнок/Дети» вызвали у нас антропологические исследования категории «детство», проведённые в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (2010-е гг.) (см. работы М. Балиной [8], Л. Рудовой [9]).

В основе данной статьи лежат труды, посвященные изучению архетипа «Ребёнок» в типологическом аспекте и в целом анализу концепций детства в отечественной и зарубежной литературе (Л. Рудова [9], Л. Нефёдова [10], И. Арзамасцева [11], Е. Добренко [12] и др.); исследования в «антропологической разметке» литературы: детство, отрочество, зрелость, старость (В. Гудкова [13]). Этика детства в «идеальном мире» тоже становится предметом рассмотрения. Так, О.А. Мурадян отмечает: «В утопическом “Государстве” Платона – общие дети, которых любят сообща, из которых готовят законопослушных граждан <...>. В антиутопическом государстве чаще всего дети также не знают своих родителей, их этическую базу создаёт некий “авторитет”. Это стирает границы утопии и антиутопии» [14. С. 89].

О значении темы детства для литературы 1920–1930-х гг. наиболее красноречиво говорит название известного труда И. Арзамасцевой: «“Век ребёнка” в русской литературе 1900–1930-х годов» [11], где заявлена идея о том, что первая треть XX в. явилась началом новой эры – «эры детства».

В современных исследованиях можно выявить разные концепции детства. Л. Нефёдова в статье «Архетипические основания репрезентации образов детства» (2006) утверждает, что «художественное осмысление детства в литературе фундировано в архетипе Божественного Ребёнка» [10. С. 191]. Автор предлагает «типологию детских образов» по ряду признаков, в том

числе, «на основе заброшенности архетипического Ребёнка»: «...1) Обездоленный ребёнок – лишённый доли, возможности вырасти, стать взрослым <...>; 2) брошенный ребёнок – оставленный, покинутый взрослыми <...>; 3) пренебрегаемый Ребёнок, растущий в недосмотре <...>; 4) запущенный, забытый <...> Дети не включены, не интегрированы в единое экзистенциальное пространство; 5) ничтожный, ничтожный – недостойный внимания, имеющий право только на вторичное по отношению к взрослым существование <...>; 6) ребёнок – *Tabula rasa* – чистая дощечка, готовая к надписям <...>. Данный мотив наиболее многозначный» [10. С. 189–190]. На основе «непреодолимости архетипического Ребёнка», наряду с «героем», «спасителем», выделяется «ребенок-монстр». Корни деструктивного лежат в началах ребёнка, пришедшего из зазора небытия и бытия» [10. С. 190]. Среди указанных типов исследователь выделяет ребёнка-*tabula rasa*, так как этот образ «репрезентирован в широком диапазоне смыслов: от недоступной и непостижимой “вещи в себе” до объекта взращивания, детерминированного характером воздействия взрослых» [10. С. 190]. Образ Ребёнка-*tabula rasa* наиболее востребован утопистами всех времен, начиная с Платона.

В. Гудкова, анализируя типологию советского сюжета на примере драматургии 1920-х гг., констатирует тенденцию роста количества детских образов в образной системе пьес этого периода: «Если в традиционных пьесах дети обычно не появляются, драмы рассказывают о мире взрослых, то в советских сюжетах 1920-х гг. детей всех возрастов, от новорожденных до «юн-пионеров» и комсомольцев, довольно много» [13. С. 172]. Другими словами, ребенок попадает в поле зрения автора, в изображаемую им структуру общества как её звено, как субъект, интересы, роль и значение которого для этого общества значимы. В контексте эпохи 1920-х акцент делается на роли юного человека, свободного «от груза прошлого» (связь с «государственной концепцией послеоктябрьского развития страны») в «антропологической разметке нового времени» [13. С. 172].

Ускорение требовало задействовать детей и юношество в построении Будущего, поэтому идея *Tabula rasa* применялась для «обнуления» Прошлого. Детские учреждения планировалось создавать по примеру ударных «безбожных заводов и колхозов», а в 1929 г. атеист Е. Ярославский «призывает начать новое летоисчисление – не от Рождества Христова, а от начала революции. 1929 год должен был стать 12-м годом новой эры» (цит. по: [11. С. 298]). Диапазон дискуссий о детстве в 1920-е гг. широк: от «проблемы рождения ребёнка. Зачем он?» [13. С. 174] до «судьбы ребёнка, зачатого “свободной женщиной” новой России» [13. С. 175] и даже до передачи матерью новорожденного <...> в комячейку», проведение «октябрин» (замена крестин) [13. С. 180].

И. Арзамасцева на материале детской литературы, а В. Гудкова на материале драматургии обнаружили «римский пласт» идеологии в отношении к детям: на рубеже 1920–1930-х гг. «в детских изданиях быстро нарастает “римский” пласт, имперский Рим заслоняет гуманистическую Элладу <...>

концепция детства стала напоминать римскую модель» (отряды юных спартаковцев и пр.) [11. С. 299; 13. С. 180].

Детская литература 1930-х гг.

Проектирование пространства нового человека

В ситуации ускорения 1930-х гг. задачей дня было «преобразить пространство и простор», и новые реалии потребовали героев-первопроходцев, открывателей новых земель – типы, знакомые по романтическим произведениям. На первый план, по мнению В. Шкловского, выходит человек, «борющийся со своей физиологической ограниченностью» [15. С. 37]. «Новый голос», «новый склад слов» раньше других выработали детские писатели, и советская детская литература «начала растить новое поколение читателей», которое было «детьми великой мечты, соучастниками будущего» [15. С. 15–17].

В процессе воплощения утопического замысла, с точки зрения Л. Рудовой, детская литература сыграла роль «функциональной» литературы «в процессе подготовки молодого поколения к роли “хозяев жизни”» [9. С. 145]. Исследователи даже выделяют среди писателей того, кто точно, глубоко прочувствовал государственную задачу времени и научно выразил в своих произведениях пафос эпохи («пропаганда советской идеологии и технологической утопии бесклассового общества» [9. С. 143]). Речь идёт о детском писателе М. Ильине (И.Я. Маршаке), который, по мнению В. Шкловского, выступил как «новатор, радикально изменивший конвенции традиционного фабульного сюжета» [15. С. 36]. Его художественный опыт оказался настолько продуктивным, что по пути М. Ильина, автора «Рассказа о великом плане» (1930) [16], в послевоенный период последовали педагоги, детские писатели Восточной Германии, которых заинтересовало программное произведение автора-учёного, новаторское в жанрово-стилевом отношении. Л. Рудова в статье «“Новые сюжеты” для нового немецкого ребёнка, или “Поэзия науки” М. Ильина в детской литературе ГДР» цитирует эту концепцию детства: *«Великий план создали, великую задумали работу. Переделать природу и переделать самих себя. Разве мы, такие, как есть, годимся для нового строя? <...> Нам нужны заводы для переделки людей: школы, вузы, библиотеки, избы-читальни <...> ведь это лучшая жизнь – она не придёт <...> её мы должны создать»* [9. С. 141].

«Великий план» есть, дети его реализуют, но им, как и взрослым, нужно «переделать себя» ради лучшей жизни. Но насколько эта установка проникла во «взрослую» литературу эпохи ускорения? Рассмотрим три произведения трёх разноплановых авторов, чтобы тенденция была видна.

Ребёнок и «локомотив времени» социальных проектов в романе В. Катаев «Время, вперед!»

Тема детства в творчестве В. Катаева полемически заявлена в начале 1930-х гг. В его комедии «Дорога цветов» (1933) в диалоге персонажей (лектора Завьялова, Лаутской и доктора) тема Ребёнка показана в сочетании с «программой» построения Будущего дискуссионно остро:

Завьялов: – ...Высочайшая техника, и на основе этой высочайшей техники – города-сады, агрогорода, дома-отели <...> Лаутская: – То есть позвольте: а если семья? Что ж, вся семья так и будет помещаться в одной комнате с... озонирующей аппаратурой? И жена? И дети? И... тёща? Это же ужас! Завьялов: – Семьи не будет. <...> – Лаутская: Но как же в таком случае муж и жена? Завьялов: – Жён и мужей не будет. <...> Лаутская: – Но дети? Они, надеюсь, не отменяются? Завьялов: – Дети не отменяются. Лаутская: – Слава богу! Хоть что-то не отменяется. Но ведь дети связывают? Завьялов: – Ничуть! Детей будет воспитывать общество. <...> И любовь будет абсолютно чиста от всяких посторонних примесей. Лаутская: – Посторонних примесей! Дети – посторонняя примесь? Но чувства? Скажем, ревность? Завьялов: – Ревности не будет; <...> А так очень просто: для чего борьба? Доктор: – Для того, чтобы люди в конце концов, в результате борьбы, стали здоровыми, сытыми, свободными, счастливыми. <...> Завьялов: – Вы меня удивляете. Что касается меня, то я, например, уже ощущаю это будущее. Для меня оно уже настоящее [17. С. 254–256].

Представленная цитата в общем характеризует общественное настроение первых десятилетий советской власти в отношении нововведений для построения справедливого государства. И при этом в «программе» лектора Завьялова нет ничего нового – традиционная для утопии идея устранения всякого неравенства, в том числе и на уровне семейных отношений, и подчинения всех сторон жизни человека тотальному контролю со стороны государства. Обобщающе ёмко актуальная тема представлена в антиутопии Е. Замятина «Мы» (1920).

В отечественной литературе 1930-е гг. ознаменованы рождением новаторского течения «производственной прозы»: Л. Леонов «Соть», М. Шагинян «Гидроцентральный», Ф. Гладков «Энергия», К. Паустовский «Кара-Бугаз». В этом ряду стоит и роман В. Катаева «Время, вперёд!». В основе его сюжета события одного дня на строительстве Магнитогорска, дня отражающего небывалый темп времени новой индустриальной эпохи. Главный герой инженер Давид Маргулиес, по замыслу автора, становится знаменем, выразителем пафоса момента, исторических трудовых свершений начала 1930-х гг. – построения новой счастливой жизни «здесь и сейчас» на Магнитострое. На Южный Урал стянуты возможные и невозможные человеческие и технические ресурсы, громадный научный потенциал социалистической страны, передовые технологии современности. Концепция времени у В. Катаева родственна официальной теории «повышения темпов». В романе-хронике «Время, вперёд!» представлен жанровый эксперимент «с ускорением»: в ходе сюжета с задержанная экспозиция совмещается с развязкой.

В производственном накале событий тему Будущего В. Катаев воплощает в образе Ребёнка, который впервые появляется в сюжетной линии Фени – молодой женщины, едущей на поезде в Магнитогорск, чтобы после разлуки встретиться с возлюбленным, отцом будущего ребёнка. В самом начале произведения знаками темы детства служат мелькающие на железнодорожных станциях лица детей: «Дети продают на станциях ландыши. Всюду пахнет ландышами» [18. С. 249], «осмический пейзаж» («осмис» – запах) сопровождает путь: «Саратов – Уфа. Дорога ландышей и соловьёв»

[18. С. 249]. В объектив В. Катаева-хрониста попадают девочка с жёлтыми цветами, удивлённый мальчик, а в последующих главах – мальчики-помощники семнадцатилетней комсомолки Шуры Солдатовой в художественной мастерской на строительстве Магнитогорска.

Поэтика романа-хроники «Время, вперёд!» определяется системой взаимосвязанных мотивов, подчинённых ускорению – производственному ритму жизни первостроителей (социальной, личной, повседневной). В производственной линии автор заявляет детскую тему, ведёт повествование к важному моменту рождения нового человека (сюжетная линия Фени и Ищенко).

Опыт осмысления темы «Детство/Ребёнок» уникален: ребенок становится фактором «ускорения». В кульминационных сценах сюжетной линии «Феня и Ищенко» бригадир-ударник Константин Ищенко держит в поле зрения вверенный ему фронт работ, наблюдая, как люди из деревенских становятся героями [18. С. 301]. Общая же картина происходящего была ему недоступна – *«мир не давался»*, но постепенно мысли о прибавлении в семье начинают овладевать сознанием, сливаясь с мечтой о Будущем: *«И будет ребенок! <...> И вся жизнь – и то, что было, и то, что есть, и то, что ещё будет, – не зря!»* [18. С. 357]; *«Вскроют гору. Добудут руду. Руда пойдёт в домны. Зажгут кокс. Пойдёт чугун. Чугун переварят в сталь <...> И это всё на потребу, на счастье “ему” <...> Будет сталь – будет новая, счастливая, небывалая, невиданная жизнь! И всё это для “него”!»* [18. С. 357]. В главе XXVII В. Катаев передоверяет персонажу авторские мысли: *«Теперь Ищенко открыл глаза и в первый раз в жизни посмотрел во всю длину времени <...> Прошлое текло для будущего. И оно прочно лежало в его руках»* [18. С. 357].

В произведении «Время, вперёд!» образы детей представлены как символические, олицетворяющие счастье, коммунистическое Будущее. В. Катаев не раскрывает детских характеров, полностью сосредоточившись на теме времени и «производственном» материале, при этом вводит в роман тему детства как важный аргумент – «смысл» социалистического строительства. Ребенок не прописан, не персонифицирован, как и в большинстве литературных утопий, но он – неотъемлемая часть представления об идеальном государстве и, если необходимо, фактор ускорения. В идеологической канве романа-хроники Ребёнок обозначен как ценность, как «потребитель» Светлого Будущего, что соответствовало социалистическому лозунгу «Всё лучшее – детям».

Образ ребёнка в романе М. Пришвина «Осударева дорога»

В 1930-е гг. в романе «Осударева дорога» М. Пришвин обращается к проблематике, глубоко осознанной им ещё в 1920-е гг. Дневники писателя свидетельствуют о неустанных размышлениях писателя над проблемами «личность и общество», «личность и государство»; попытках ответа на философские вопросы о добре и зле, свободе и необходимости, смысле жизни, тайне человеческой души.

В русле нашего исследования важно обнаружить мотивы выбора Пришвиным ребёнка в качестве главного героя для своего романа «Осударева дорога». Чем обусловлен выбор темы строительства Беломорско-Балтийского канала и судьбы мальчика-помора?¹

Образ Ребёнка, каким мы увидели его в «Осударевой дороге», родился намного раньше. Исследователи его творчества отмечают: «В 1905–1906 году, собираясь в своё первое путешествие на Север, Пришвин предлагает редактору детского петербургского журнала “Родник” будущую повесть о мальчике, заблудившемся в лесу. Пришвин считал её первой вехой на пути к роману» [19. С. 65]). Образы детства и юности проходят лейтмотивом во многих произведениях. В «переключке поколений» М. Пришвин актуализирует проблему поиска смысла жизни героями и приглашает к этому поиску читателя (обращение – «друг мой»). Он пишет «два больших рассказа о своём сыне» [20. С. 101].

Писатель обозначил жанр «Осударевой дороги» как «роман-сказка», однако во вступлении «От автора» жанр назван по-другому: «сказка-быль», «историческая повесть» [21. С. 87]. В этом романе очевиден утопический мотив «земли обетованной» – старообрядческой Выгореции, «государства в государстве» Петра I. По замыслу автора, мотив совмещён с темой строительства Канала, новой жизни в 1930-е гг.

Писатель подчёркивает удалённость от цивилизации заповедного места на Русском Севере, где при Петре I велось строительство «осударевой дороги». Мы отмечали ранее, что авторы утопий традиционно обращаются к легендам, преданиям и другим источникам о «земле обетованной» (например, о предпринятом поиске Петром I Беловодья [22. С. 118]). В «Осударевой дороге» старообрядцы сложили свои предания, легенды о Выгореции (например, о легендарном выгозерском Иване, местном Сусанине, который в Смутное время завёз панов на Еловый остров (гл. X «Падун»). Жители названы «бегунами», «скрытниками», «христолюбцами» не случайно, так как старообрядцы «в бегах» спасались от антихриста, который «овладел большей частью земли». Эти люди хранили как «великую тайну» свои имена и другие имена не произносили, ограничивались словами: «Мы странники божьи, ни грады, ни веси не имамы» [21. С. 89]. «Бегуны» обрели близ Выг озера свою землю обетованную. Сам автор мальчиком 9 лет при-

¹ Роман начат в 1930-е гг., продолжен в военные и послевоенные годы до 1947 г. История создания романа «Осударева дорога», одного из центральных произведений М. Пришвина, охватывает весь творческий путь писателя. Об этом свидетельствуют и его дневники, где уже с 1909 г. появляются записи, которые Пришвин расценивал как подготовительный материал к роману. Непосредственно над романом он работает 14 лет – с 1933 по 1947 г. В 1948 г. журнал «Октябрь» отказывается печатать «Осудареву дорогу». Потом до конца жизни – Пришвин скончался в январе 1954 г. он работает над переделкой романа. Несмотря на многочисленные замечания рецензентов, писателя не оставляет мысль, что «Осударева дорога» – значительное художественное произведение: «Свидетельством моего художества останется не переработанный экземпляр» [19. С. 64].

нял красоту Карельского острова озера Выг за чудесную страну, а через двадцать лет, оказавшись на Выг озере, уверовал, что это и есть та самая страна, рождённая мальчишечьей фантазией.

Замыслом М. Пришвина было «показать рождение нового сознания русского человека через изображение души крестьянского мальчика-помора» [21. С. 85]. Есть и «домашняя теория творчества», согласно которой писатель будет «выращивать» юного героя – Зуйка, подобного свободным чайкам-зуйкам: «...И мальчики-зуйки всюду спуют, и среди них мой Зуёк <...> Думаю о нём – и себя самого раскрываю. Детство старшего поколения было окрашено пафосом веры в лучший мир <...> и долг каждого из нас открыть для всех “эту свою страну”» [21. С. 87–88]. Ключом к пониманию образа мальчика Зуйка является пришвинское понимание детства как «природных детских сил доверчивости и особенного, проникновенного внимания к подробностям жизни природы и человека» [21. С. 88].

Во всей художественной прозе Пришвина 1930-х гг. и в анализируемом романе в полной мере, под влиянием задач времени устанавливается связь концепта «Ускорения» с концептом «Детство». Событие великого Времени (строительство Беломорско-Балтийского канала) соотносится с судьбой мальчика-помора Зуйка. Пришвин создает образ архетипического Ребёнка, погруженного в стремительные темпы технологической революции советского государства.

С приходом строителей Зуёк оказывается в центре исторического строительства Канала (волей случая он живёт в доме, «снятом под контору»). Ребёнок *tabula rasa* жадно впитывает всё незнакомое, что несёт с собой взрослая жизнь, а за образец Зуек берёт стиль поведения представителей власти – Улановой и Сутулова. Сообразительного парнишку-помора определяют курьером. Сознание мальчика наивно-реалистическое. Прислушиваясь к разговору в конторе, Зуёк переводит информацию на доступный его пониманию уровень (сказочное восприятие мира). В диалоге речь шла об исполнении приказа свыше, касающегося транспорта для каналармейцев. В команде Сутулова всё выполняется в срочном порядке (ускорение): «Принять завтра первую тысячу. Бросьте их в лес. <...> – Мы всех их бросим в лес! – Вот это так, – обрадовался Зуёк. – Приедет тысяча человек, и мы их всех бросим в лес. И так, каждый день, тысячу за тысячей – в лес. Вот это власть!» [21. С. 141]. Пришвин вживается в образ мальчика, предугадывая ход его мысли: «Зуёк вдруг понял всё. Теперь не надо больше никого спрашивать, он лучше всех знает, что это власть. Бывает, мчитя тучей колдун за Иваном-царевичем, никакой конь не может убежать от тучи, но власть на стороне Ивана-царевича <...> Да мало ли как можно спастись, если власть в твоих руках. Да если бы и на куски изрезали Ивана-царевича, и то является власть, как живая вода, и все кусочки срастаются. Та же самая власть была и у Сутулова, когда он приказал бросить всех в лес. – А как далеко мы их бросим? – восхищенно и робко, с замиранием сердца спросил Зуёк» [21. С. 141].

Большевики, изначально родственные Пришвину по духу, были носителями сектантской психологии, в чём автор признаётся в начале романа-сказки: *«Мы сами, революционеры того времени, готовые идти на какие угодно страдания, чтобы только поднять дух своего народа, <...> мы сами отчасти были похожи на бегунов: мы странники в своём народе, мы не держались ни села родного, ни города, правда нам была дороже родного села»* [21. С. 91]. Жизнь старинной Выгореции обновляется с приходом новых людей, с новым взглядом на жизнь, мир в целом. Так, в главе «Имеющий власть» автор характеризует «чужого человека», «*незदेशнего, пришедшего с новой мыслью, разрушающей старое медленное время, <...> для всего соединенного великого человека*»: «*Так сказал имеющий власть: – Бросить всех в лес! И в лесу вырос город*» [21. С. 153–154].

Постепенно Зуёк осознаёт необходимость поиска собственного жизненного пути, он не верит, подобно землякам, в «светопреставление» (в это верит бабушка Марья Мироновна и *«хочет навязать всем конец света»*) [21. С. 229]. Заключительная часть «Вода», где изображается строительство и открытие Великого канала, посвящена путешествию мальчика в лесную страну. Здесь органично воспроизводится наивно-реалистическое восприятие мира мальчиком. Зуёк, как Ребёнок-tabula rasa, с одной стороны, усвоил мудрость дедушки Сергея Мироновича, последователя веры пустынного Корнилия, хранившего память о прошлом Выгореции; с другой – глубоко прочувствовал жизненную философию Марии Мироновны, «мировой няни», оставшейся жить на острове, который будет затоплен при открытии канала); наконец, Зуйка учит природа Карелии, он вникает в жизнь леса, знакомого с детства: «*...Природа является ему как зеркало собственной жизни и он видит себя не таким, как он о себе думает, а таким, какой он есть*» [21. С. 279]. Любопытно, что Природа, которая всегда становилась в утопиях объектом конструктивного воздействия, переделки со стороны Человека, оказывается в итоге лакмусовой бумажкой для определения истинного, настоящего в людях.

Возвращение мальчика к людям – появление на празднике в честь открытия канала символично: *«На берегу озера Онего стоит город Повенец, и тут из озера вход в великий канал, соединяющий моря Белое и Балтийское»* [21. С. 310]. Новая жизнь Зуйка заставляет мальчика сделать выбор: он с теми, «*в чьих руках вода*». Завет писателя М. Пришвина современникам и потомкам звучит в финале романа в словах о воде: «*...Это добрая мысль человека, глядящего в беспредельную даль, о том, что каждый из нас где-то соединён с другим человеком и все мы, люди, в суровой борьбе за единство своё, все, как капли воды, когда-нибудь придём в океан*» [21. С. 319]. Пришвинская обобщённая мысль, несомненно, перекликается мировосприятием его современника – Л. Леонова, назвавшего свой роман «Дорога на Океан».

Образ ребёнка в романе Л. Леонова «Дорога на Океан»

В романах Л. Леонова 1930-х гг. производственная тема была частью масштабного философского замысла писателя. В его романе «Дорога на

Океан» в ряду глобальных тем: исторической перспективы, завтрашнего дня человечества, красоты, счастья и творчества, гуманизма, любви и труда, семьи и общества, личности и общества, человека и коммунизма [23. С. 85].

Тяготение Л. Леонова к использованию мифологических, утопических моделей в произведениях на тему современности наблюдалось и в ранний период. В легенде «Про неистового Калафата» («Барсуки») в иносказательной форме актуализирована проблема поколений, поиск детьми своего пути в жизни. Кроме очевидного утопического мотива строительства башни до небес, затеянного царским сыном Калафатом (имя *«по-ихнему значит – до всего доберусь»*) [24. С. 222]), есть мотив из фольклорной сказки, выступающий «в роли социальной утопии» [25. С. 105]. Фабула легенды Л. Леонова соотносится с историей Вавилонской башни, темой противостояния человека и природы, где природа побеждает прагматичного образованного Калафата.

Образы молодого поколения в «Дороге на Океан» созданы писателем в новой социокультурной ситуации, в период расцвета сталинского государства. Детству персонажей (Лизы, Алёши, Ильи Протоклитова, Марины, Сайфуллы), воспитанию нового человека, нового Ребёнка посвящены многие страницы романа. Л. Леонов пишет: *«Можно было бы рассказать длинную и чудесную историю о ребёнке, который один, без чужой помощи, бредёт через пропасти и волчьи ямы жизни, и страшное зло шарахается от его спокойных, неведующих глаз»* [26. С. 90]. Эта *«длинная и чудесная история о ребёнке»* относится к образу Лизы, который, по мнению В. Агеносова, дорастает в романе до «субстанциального понятия юности» [20. С. 80].

Естественное развитие ребёнка искажается под влиянием социального неблагополучия – жизнь в обедневшей семье течёт на грани нищеты. Похожие образы бедных детей наполняют классические произведения мировой и русской литературы XIX в. – нач. XX вв. (В. Гюго, Ч. Диккенс, Ф. Достоевский, М. Горький, А. Куприн и т.д.). Ключом к созданию образов детей улицы является мысль В. Гюго: *«Пока человек ещё ребёнок, Богу угодно, чтобы он оставался невинным»* [27. С. 4].

Л. Леонов задерживает экспозицию в сюжетной линии своей героини, он представляет Лизу как племянницу А.Г. Похвиснева, когда ей уже двадцать один год. Повествование о трудном детстве течёт ретроспективно, в русле литературной традиции: глава «Лиза» рассказывает о жизни героини в глухом провинциальном Пороженске (по ассоциации со словами *порог, порожний, пустой*). Говорящая деталь: в Пороженске девочке запомнился овраг, *«огромный, как из Библии или сна»*, что-то вроде свалки, заросшей *«дикарскими травами»* [26. С. 85]. Вопреки *«грубым солдатским телам сорняков»*, в дикоросте развивается живучая *«повилика»*: *«...Всем этим пижмам, пыреям, чертополохам лестно былорядиться в хрупкую прелесть её нежных и маленьких цветов»* [26. С. 85]. Развернутая метафора возвращает к ребенку, который *«бредёт через пропасти»*, попадая в *«волчьи ямы жизни»*. Подобно повилке, Лиза пытается зацепиться за землю, что дало бы ей силы для роста, но жестоко ошибается, принимая за доброе, настоящее то, что таковым не является.

В отличие от литературных предшественников-классиков, Л. Леонов создаёт образ Ребенка в контексте новых социальных потрясений первой трети XX в.: старый несправедливый мир отверг ребёнка как никчемность, который всё же смог выжить физически, сохранить человечность и в дальнейшем разделить идеалы своего молодого поколения – строителей нового мира.

В образе Лизы-ребёнка автору удастся реализовать заявленную «программу» персонажа: *«Умение прочно пускать корешки даже в самую тощую почву всегда отличало Лизу от её сверстниц и подруг»* [26. С. 85]. Смысл «чистой дощечки» (лат. *tabula rasa*), на которой оставляет записи жизнь, раскрывается в сценах доверительных разговоров Лизы с овдовевшей матерью. Девочка получила сносное школьное образование, а мать дополнила её школьный «багаж» поучениями о том, как выжить в уродливом мире. Например, *«властно держа за руку напуганную девочку»* водила её *«анатомический театр»* (ему уподоблен взрослый мир), чтобы «передать» опыт старшего поколения ребёнку, не готовому к взрослой жизни. «Уроки» подкрепляет практика – *«подлая жизнь городка служила наглядным пособием к этим занятиям»* [26. С. 88]. Мать рассудила, что, как прививка, «лекарство» от людской злобы должно сработать, когда дочь останется сиротой: *«Слишком рано оставляя дочку на милость людей, она сама впрыскивала в неё яд своих разочарований, чтоб не убило её в самом начале зло»* [26. С. 88].

Что отложилось на *tabula rasa*? Какие принципы усвоила одиннадцатилетняя Лиза? Л. Леонов скрупулёзно воспроизводит текст на «чистой дощечке»: 1) «обхождение с людьми» на уровне «поверхностной, бескостной культуры»; 2) популярные рассказы об исторических событиях, соотносимых с личностью и судьбой «рассказчицы» [26. С. 89]. Л. Леонов-психолог вскрывает подоплёку внутренних проблем Лизы-подростка и девушки, объясняя всё травмой детства. Авторский комментарий дан в строках: *«...Дочь забирала без переоценки это пёстрое, неравноценное наследство <...> Лиза навсегда сохранила в памяти, как первую травму детства, историю одной шотландской королевы, Марии Стюарт, также приспособленную к облику рассказчицы <...> это была грустная повесть о красивой и несчастной женщине, обманутой приверженцами, оскорблённой любовниками и тоже вычеркнутой из памяти роднёю. Событие, почти ничтожное, романтически закрепило этот образ в воображении Лизы»* [26. С. 89]. Судьба Марии Стюарт была перенесена на *tabula rasa* «без переоценки», как и всё, что было связано с матерью.

В романе «Дорога на Океан» Л. Леонов органично совмещает образы, рождённые русской революцией, новое утопическое сознание персонажей с чертами национального характера, привычными в контексте культуры русской провинции. Повествуя о Лизе-ребёнке, писатель детально воссоздаёт картину семейного рая в неспокойное время: *«Лизин отец, чиновник пустякового ведомства, перебрался в славный Пороженск посредине войны, как только ясно стало, что не пройдёт даром миру пролитая кровь»* [26. С. 85].

Строить рай «во время чумы», «спрятаться от жизни» в домишке, окружённом заросшим вишненником, семье удаётся ненадолго. Намечен глобальный конфликт дореволюционного уклада русской жизни с техническим прогрессом: патриархальная утопия приходит в конфликт с новой технократической утопией. О Пороженске в легендах говорится как «месте <...> обжорного, беспечального рая; по слухам, когда-то проживало здесь старинного уклада племя – без взлётов, но и без векселей, без лекарств, но и без напрасных сердцебиений» [26. С. 85]. Ребёнок воспитывался в семейном раю, но счастье вмиг разрушилось: «Упадок наступил после появления железной дороги» [26. С. 85]. Старая утопия потерпела крушение в столкновении с локомотивом, ставшим символом прогресса (новой утопии). Литературные символы этой темы обозначены чеховскими мотивами вишневого сада, завершающими образ разбитого семейного гнезда: злые соседи «вырубили вишненник на хворост, руководствуясь старинным правилом, что чу́жая яблонька жарче своего поленца горит» [26. С. 85].

Страшные бедствия уготованы Лизе, вынужденной искать пропитание воровством хлеба в слободе Басурманке: «...Нищете неизвестна чувствительность; это был пока слепой инстинкт, выталкивающий осиротелого зверёныша из его норы на добычу» [26. С. 85]. «Зверёныш», «маленькая воровка» – характеристики Ребёнка, оставшегося с жизнью наедине. Как видим, кроме *tabula rasa*, в структуре детского образа пробиваются отдельные черты «ребёнка-монстра»¹.

Лиза, дитя человеческое, смогла сохранить душу благодаря знакомству с миром театра (речь идёт о «дешёвом балаганном действе из королевской жизни») [26. С. 89–90]. Лиза «сказалась безродной, её приняли в передвижной театр» [26. С. 90]. Она и в дальнейшем видит жизнь сквозь «линзы» театральных очков, понимая: детство закончилось – это, как первый акт её спектакля, а второй еще не начался. Л. Леонов завершает разговор о Ребёнке: «...Лиза прощалась с детством, иронически благодаря за уроки, полученные в этой практической академии бесчестности, унижения и мелких бедствий» [26. С. 97].

Другой персонаж, реализующий тему детства в романе Л. Леонова, – это Марина, знакомая главного героя Курилова «из среды журналистов». Марина раскрывает яркое детское начало в диалогах с Алексеем Никитичем (героем её будущего биографического очерка). Она доверительно рассказывает свою скромную биографию, упомянув о сыне, семилетнем Измаиле. Алексей Никитич идеологически выверенно характеризует поколение детей 1930-х гг.: «Они – лаборатория новых отношений. Это поколение вырастает на распаде старых общественных форм и вам надлежит стать катализатором очень мудрого процесса» [26. С. 131]. Героиня формулирует

¹ По классификации Л. Нефедовой: «Ребенок-монстр – ребёнок, чья заброшенность и непреодолимость подверглись мутации, превращающей конструктивное в деструктивное» [10. С. 190].

концепцию нового человека, в соответствии с которой она воспитывает нового Ребенка с «гордым» именем Измаил: *«Лет через двадцать люди будут очень гордые, без единой болинки и треицинки <...> У нас смиренных любят»* [26. С. 131]. От качеств нового человека зависит Будущее – *«красивая жизнь»*: *«И пусть гордость движет поступками людей. Пусть это будет гордость мастера, гордость героя, гордость матери, которая их обоих родила. Жизнь, конечно, настанет красивая»* [26. С. 132]. Мы видим здесь «рекомендованную» утопической идеей 1930-х гг. связь поколений детей: программу того, как ребенок Прошлого должен воспитывать своего ребенка для Будущего.

Название романа «Дорога на Океан» означает путь человечества в Будущее. Замысел Леонова-философа раскрывается в системе образов, где центральным оказывается Алексей Курилов. Главу о детстве Алёши можно было бы именовать «Мальчик и океан». В фабульном плане романного повествования с бесчисленными описаниями перипетий (участие героя в боях революционной эпохи) показано становление характера грозного начальника по железным дорогам, *«начподора»*. При этом внутренний, психологический план, мир души Алексея не изменился в течение жизни, ибо в подсознании герой сохранил детскость. В чём суть феномена?

Л. Леонов создал образ мальчика-мечтателя, придумавшего целый мир – мир Океана. Когда-то книжка о морях, прочитанная Алёшей *«не разумом, а сердцем»*, осталось в его сознании *«как памятная зарубка»*: герой всегда находился под *«очарованием вольных океанических сокровищ, не принадлежащих никому»* [26. С. 37]. У взрослого Курилова *«понятие об Океане как о вольном множестве вод распалось»* [26. С. 37], но ключ к пониманию характера героя следует искать именно в этом *«ребяческом влечении»* к вольному миру. Курилов – мечтатель, и для него *«книги – как колодцы в пустыне, они принадлежат всем!..»* [26. С. 38].

Тип мечтателя преобладает в старшем и молодом поколениях 1930-х гг., эпохи воплощения Великой утопии в настоящем. Чествуя Курилова в день его рождения, единомышленники поют славу новому человеку и мечтают о Будущем в его осязаемых очертаниях. Старшие товарищи «транслируют» новым людям всё необходимое, с их точки зрения: идеи, знания, память о подвигах, героическом труде предшественников, великое наследие исторических личностей – утопистов разных эпох. Чтобы идти в Будущее, нужны знания о том, *«как пробивались бреши в веках; как великие успехи тормозились не менее почтенными заблуждениями»* [26. С. 103]. Ярким примером служит монолог Кутенко (автор ранних *«плохих»* стихов) о Будущем. Обратим внимание в монологе на несколько моментов: 1) *«Тема тоста заключалась в восхвалении чести и доблести его поколения – драться до последнего и ложиться безропотно, – так, чтоб этой лестницей мёртвых всё выше, на одоление последних высот, поднимались юные фланги бойцов<...> те, которые приведут в стройный порядок наши огромные, неряшливые черновики»* [26. С. 102], т.е. роль поколения в Настоящем – не жить, а только бороться и умереть, став «ступенькой» к лучшей жизни для юных, задача

которых не только наслаждаться новой жизнью, но довести дело предыдущих поколений до конца, «привести в стройный порядок наши огромные, неряшливые черновики»; 2) о поколении 1930-х гг.: «Они поют про паровоз, который летит стрелой, чтобы остановиться в коммуне» [26. С. 103], т.е. для ускорения финальная точка – коммунизм; 3) предостережение новым утопистам от совершения ошибок старших – «самоучек», знакомых с философией Гегеля, Гераклита: «Стареющее поколение» смогло уберечь молодое «от клоак и кладбищ», а юному должно опираться «на разум и знания», не на «минутные взрывы голода, гнева и отчаяния», от чего гибли «лучшие из бунтарей» [26. С. 103]; 4) завет или требование старшего поколения к юным: «Он (Кутенко. – С.А., М.Б.) не спрашивал: “наши ли вы?”, но – “готовы ли вы?”» [26. С. 103]. В монологе выстроена программа воспитания, тезисы для *tabula rasa* Ребёнка рельефно обозначены. Единомышленники осознают, что не застанут Будущее, оно слишком далеко от текущих дней. Тем яснее видится им настоящей момент – «последний итурм за преобразование планеты» [26. С. 103] (! всемирность, планетарность – обязательные черты утопизма). В Настоящем совершается величайшая технологическая революция, последствия которой непредсказуемы: «...Новые неизведанные фазы экономики и техники могут вызвать какие-то новые социальные новообразования» [26. С. 103]). Л. Леонов доверяет Курилову мысль о связи ускорения и прогресса: «Должно быть, всегда владела человеком тёмная и жадная надежда выиграть истину через интуицию, кратчайшим путём» [26. С. 40–41].

Ускорение захватывает не только «нашего» Курилова, но и ироничного Протоклитова, который подлинную биографию «не нашего» человека с дворянским происхождением заменил на легенду «нашего» – пролетария-самоучки. Протоклитов с удивлением отмечает своё скорое вживание в советскую реальность и стремительный темп своего движения по жизни: «Его добротные познания тем охотнее принимали за следствие природной одарённости, что это подтверждало распространённую тогда уверенность, будто культуру поколения можно сработать в кратчайшие сроки <...>. Порой он даже пугался убыстрения своего роста: следовало помедлить!» [26. С. 55]. Размышление окрашено пафосом мрачного гротеска: поколение русских дворян выбито, многие, служившие Отечеству, либо устранены физически, либо, «подобно Курилову, с достаточной скоростью катились в старость. О, поддуваемое ветерком одержимости, это поколение горело хорошо!» [26. С. 55].

Грёзы Алексея Курилова о Будущем обретают форму «шутливых воображаемых путешествий за пределы видимых горизонтов» [26. С. 110]: картина преобразования «оплавленных песков» на пути к Океану, где в грандиозной череде гремющих комбайнов, прокладывающих трассу, перемалывающих «старую монгольскую кумирню, кости двугорбого верблюда», нет тихой гармонии, но есть порыв. Путешественники во времени одиноки: «Нам некого расспросить о причинах спешки и об источниках этой фантастической энергии» [26. С. 110]. Кто эти путешественники, становится ясно из

разговора литератора и Курилова: *«Строитель нашего времени образуется из мечтателя, а искусство жить всегда слагалось в основном из умения глядеть вперед; – Неверно, литератор, – поправил меня Курилов. – Строитель осуществляет не мечту, а железную необходимость! Я охотно согласился с ним»* [26. С. 110–111].

Герой нового времени (новый человек) должен обладать «умением глядеть вперед» и способностью опередить время. Ускорение мыслится неразрывно от идеи перехода в Будущее и одновременно провозглашается принципом движения – непосредственно в Будущее из Прошлого, минуя Настоящее. Причем и Прошлое – «*небытие*», и Будущее также «*небытие*». Л. Леонов поручает эти мысли литератору-собеседнику Курилова, спутнику в его «путешествиях на Океан»: *«Мы изымали себя из настоящего; мы уничтожали эту преграду между будущим и прошлым, и тогда оба эти небытия приобретали одинаковую убедительность. Мы выходили в четырёхмерный мир; всё становилось нам доступно, и внятной была удивительная одновременность событий»* [26. С. 111]. Похожая мысль стала, например, для В. Хлебникова основой для его творческой и философской программы [5].

«Куриловский дар ясных и точных построений» порождает не только фантастические картины далёкого Будущего, их толкование, но и позволяет прогнозировать исход истории: *«...Разумно планируя историю, всегда приходится оставлять кое-что на долю случайностей, гениев и дураков»* [26. С. 111]. Показательна при этом связь «ускорения» с темой детства, которая раскрывается на новом уровне совершенного развития человечества. В главе «Утро» на десяти страницах необыкновенно плотного по объёму информации текста Л. Леонов разворачивает картины жизни человечества в технократическом Будущем. Изначально путешественников интересуют не столько технологии, сколько люди будущего: *«Мы вылезали на редких остановках познакомиться с людьми, которых нам не дано увидеть никогда»* [26. С. 111]. В конце пути литератор проговаривает, что желает найти следы «присутствия **живого** человека» [26. С. 119]. Человечество, люди – это дети земли, а утописты разных времён – «лучшие дети земли» [26. С. 111]. Одна деталь в исповедальном признании литератора-путешественника: *«Я малодушно рвался вперёд, к воротам сада, о котором так по-разному мечтали лучшие дети земли»* [26. С. 119]. Ускорение в реализации утопий расценивается им как малодушие, страх перед жизнью, нежелание принять судьбу, отказ переживать настоящий момент с его препятствиями, страданиями, смертями, мировыми войнами, а нужно *«драться до последнего и ложиться безропотно, – так, чтоб этой лестницей мёртвых всё выше, на одоление последних высот, поднимались юные фланги бойцов»* [26. С. 102]. Без самопожертвования мечта о коммунизме не осуществится, такой вывод делает читатель.

Путешественники проходят «узловые пересечения истории», созерцают «социальную революцию в центре Европы» [26. С. 112], где, как в калейдо-

скопе, события сменяют друг друга. В духе логики Священного Писания автор романа представляет капиталистическое процветание как «мирные сны», навеянные дьяволом: «...И мирные сны капиталистического процветания не обманывали уже никого: дьявол любит казаться ласковым» [26. С. 112]. Новый мир Океана становится «ареной мировой деятельности народов», хотя полушария поменялись именами: «стал называться Новым – Старый Свет, а Новый – наоборот» [26. С. 114].

В этих футурологических путешествиях возникают образы детей в мире Будущего – мальчишки, которые «во все времена одинаково нестерпимы»: «Няньки показывали на нас своим детишкам, как на пленённых обезьян»; «Другие ребятки, постарше, летали мимо нас на каких-то жужжащих машинках, вроде наших медогонок»; «Кажется, он (Курилов. – А.С., М.Б.) этих летающих малюток намеревался сделать благовоспитанными, чистенькими бакалаврами» [26. С. 119].

Концепции Будущего у путешественников сталкиваются, и в споре рождается истина: «Но вы же собираетесь соорудить христианский рай из нашего Океана! – кричал я <...> Вы намерены начинить его херувимами и невозмутимыми статуями. Пускай они тоже дерутся, мучатся, расстаются <...> в этом и жизнь» [26. С. 119]. Прорывается Настоящее. Оно расценивается как билет, право доступа в Счастливое Будущее, как реальная жизнь, а не ступенька из прошлого в будущее, которую к тому же стараются перескочить.

В главе «Мы берём туда с собой Лизу» описаны живые впечатления путешественников об Океане. «Зачинателей» переполняет гордость. Мотивы утопии Платона звучат в описании «тучной земли» в восклицании: «Не мог не отпечататься на ней соединённый подвиг моих современников – землекопов, проектировщиков, вождей!..» [26. С. 370] (ср.: у Платона – сословия: ремесленников, воинов и мудрецов). Здесь еще обозначается другой концепт «След в Истории», который выступает мотивом жертвы Настоящим во имя Будущего, смыслом трудового подвига поколения, ускоряющего время (ср. «Время, вперёд!»), оправданием всех лишений и трудностей реальной жизни утопистов.

Ощущение времени путешественников – «беспредельное время будущего» в этом «великолепном переиздании мира, исправленном и дополненном человеческим гением» [26. С. 370]. Невольно возникает ассоциация с тезисом: «мир как текст», «сознание как текст», «мир – чистая дощечка», то есть то, что можно наполнять новым содержанием, совершенствовать, переписывать и переиздавать, потому что всё в руках человека. Путешественники пришли к мнению, что «улучшилась сама человеческая природа» и «в чистом воздухе новейшего времени не носилось бактерий лжи»: «Здесь было достигнуто естественное состояние человека – быть свободным, тешишься произведением рук своих и мысли, не быть эксплуатируемым никем» [26. С. 371].

По замыслу Л. Леонова, герои берут Лизу в путешествие на Океан: «...Чтобы поверила, как прекрасен очищенный о первородной грязи человек» [26. С. 375].

Океан – одновременно и вымышленный мир, и планета, и название астроплана «Океан 1». Жители Будущего всей планетой ждут возвращения *«первого человека, совершившего межпланетное плавание»* [26. С. 371]. Мать героев-астронавтов, не вернувшихся из полёта, убита горем и одновременно горда. Л. Леонов пишет о *«величии горя»* матери: *«...Значит, то и была гордая радость сознания, что громадной родине отдано лучшее из того, чем владела»* [26. С. 374]. Жертва Будущему – ребенок.

Заключение

Анализ романов стилистически и тематически разноплановых авторов (В. Катаева, М. Пришвина, Л. Леонова) выявляет общую тенденцию в конструировании образа Ребенка в соответствии с типом «Ребенка-Tabula rasa» или совмещения двух типов «Ребенка-Tabula rasa» и «заброшенного, забытого взрослыми ребёнком» (у Л. Леонова).

Моделирование образа Ребёнка Будущего в литературе 1930-х гг. превращает детей в фактор опережения, ускорения времени для рывка из Настоящего в Будущее. Опыт жизни нескольких поколений людей проходит переоценку, просеивается сквозь сито идеологии: оставить то, что пригодится в будущем, остальное отвергнуть, чтобы ускорить движение к свободному человечеству. Старшие поколения *«расходуют»* жизненную энергию ради будущих поколений – людей совершенной генерации, достигших бессмертия.

Дети – это лаборатория, где создается новое качество человека – Человек Будущего.

Стремление к ускорению Настоящего у Л. Леонова расценивается как «малодушие» утопистов-строителей Будущего, однако это не снимает, а усиливает идеологическое обоснование целесообразной и узаконенной жертвы, которую люди Настоящего должны принести во имя Будущего. В качестве жертвы может выступить сам Ребенок.

Утопизм проявляется в попытках представителей поколений сформулировать миссию, возложенную на людей конкретной исторической эпохи. Ребенок – не только «пользователь» Светлого Будущего, но и тот, кто завершит дело родителей. И к этому он должен быть готов.

Ребенок/дети и Время в утопии 1930-х гг. – это объекты трансформации для достижения утопического идеала, их трансформируют, совершенствуют, ими управляют.

Список источников

1. Демоз Л. Психоистория / пер. с англ. А. Шкуратова. Ростов н/Д : Феникс, 200. 512 с.
2. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке [Пер. с фр. яз. Я.Ю. Старцев]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 415 с.
3. Суворкина Е.Н. Видение Платоном проблемы рождения и воспитания детей // Философская мысль. 2016. № 11. С. 124–129. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20858
4. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект, 2001. 900 с.

5. Андреева С.Л., Бедрикова М.Л. Концепты «Время» и «Ускорение» как константы утопического типа сознания в сверхповести В. Хлебникова «Зангези» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 191–217.

6. Обращей О.Н. Детство как объект социологического изучения // Социологический альманах. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detstvo-kak-obekt-sotsiologicheskogo-izucheniya> (дата обращения: 20.05.2024).

7. Мясников Л.Н. Этюд о семье и женщине в литературной утопии // Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии. 2023. № 2 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etyud-o-semie-i-zhenschine-v-literaturnoy-utopii> (дата обращения: 26.05.2024).

8. Балина М. Детская историческая проза: к вопросу о жанровой специфике // Детские чтения. 2018. № 1 (013). С. 114–140.

9. Рудова Л. «Новые сюжеты» для нового немецкого ребенка, или «Поэзия науки» М. Ильина в детской литературе ГДР // Детские чтения. 2018. № 1 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-syuzhety-dlya-novogo-nemetskogo-rebenka-ili-poeziya-nauki-m-ilina-v-detskoj-literature-gdr> (дата обращения: 22.05.2024).

10. Нефёдова Л.К. Архетипические основания репрезентации образов детства // Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературах : материалы Междуна. науч. конф., г. Волгоград, 12–15 апреля 2006 г. Волгоград : ВолГУ, 2006. С. 187–192.

11. Арзамасцева И.Н. «Век ребёнка» в русской литературе 1900–1930 годов. М. : Прометей, 2003. С. 406.

12. Добренко Е. Соцреализм и мир детства // Соцреалистический канон. СПб. : Академический проект, 2000. С. 31–41.

13. Гудкова В.В. Рождение советских сюжетов: типология отечественной драмы 1920-х – начала 1930-х годов. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 456 с.

14. Мурадян О. Этика детства в «идеальном» мире: современная антиутопия в кинематографе // Утопические проекты в истории культуры : материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Утопические проекты в истории культуры» на тему «Город Солнца»: в поисках идеального локуса» / отв. ред. Т.С. Паниотова и др. Ростов н/Д : Изд-во Южного федерального университета, 2019. С. 89–90.

15. Шкловский В. Старое и новое. Книга статей о детской литературе. М. : Детская литература, 1966. 160 с.

16. Ильин М. Рассказ о великом плане : [Пятилетний план. Издание для детей]. М.; Л. : Гос. изд-во, 1930. 170 с.

17. Катаев В.П. Дорога цветов // Собр. соч. : в 10 т. Т. 9: Пьесы. М. : Художественная литература, 1986. С. 9247–9318.

18. Катаев В.П. Время, вперёд! // Собр. соч. : в 10 т. Т. 2: Растратчики: Повесть; Остров Эрендорф: Юмористический роман; Время, вперёд! Роман-хроника; Электрическая машина: Повесть. М. : Художественная литература, 1983. С. 243–536.

19. Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге» 1909–1930. Из дневников / публ. В. Круглеевской и Л. Рязановой; вступ. и коммент. Я. Гришиной // Наше наследие. 1990. № 1 (13). С. 64–85.

20. Агеносов В.В. Советский философский роман. М. : Прометей, 1989. 466 с.

21. Пришвин М.М. Осударева дорога // Собрание сочинений : в 6 т. Т. 6 / под ред. Н.И. Замошкина, В.Д. Пришвиной, А.И. Пузикова; примеч. В.Д. Пришвиной. М. : Государственное Издательство художественной литературы, 1957. С. 83–320.

22. Андреева С.Л., Бедрикова М.Л. Жанровые признаки антиутопии в повести Ю. Давыдова «Африканский вариант» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 49. С. 113–135.

23. Ковалёв В.А. Леонид Леонов: Семинарий : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз и лит.». М. : Просвещение, 1982. 192 с.

24. Леонов Л.М. Барсуки: Роман. М. : Современник, 1987. 318 с.
25. Трубецкой Е. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учёба. 1990. Кн. 2: Март–апрель. С. 100–118.
26. Леонов Л.М. Дорога на Океан: Роман // Собр. соч. : в 10 т. Т. 6. М. : Художественная литература, 1983. С. 5–510.
27. Гюго В. Отверженные: Роман // Собр. соч. : в 6 т. Т. 2: Отверженные. М. : Правда, 1988. 523 с.

References

1. DeMause, L. (2000) *Psikhoistoriya* [Psychohistory]. Translated by A. Shkuratov. Rostov-on-Don: Feniks.
2. Aries, F. (1999) *Rebenok i semeynaya zhizn pri starom poryadke* [Centuries of Childhood]. Translated by Ya.Yu. Startsev. Yekaterinburg: Ural State University.
3. Suvorkina, E.N. (2016) Videnie Platonom problemy rozhdeniya i vospitaniya detey [Plato's Vision of the Problem of Childbirth and Child Rearing]. *Filosofskaya mysl'*. 11. pp. 124–129. [Online] Available from: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20858
4. Stepanov, Yu.S. (2001) *Konstanty: Slovar russkoy kultury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 2nd ed. Moscow: Akademicheskiiy projekt.
5. Andreeva, S.L. & Bedrikova, M.L. (2023) The Concepts "Time" and "Acceleration" as Constants of a Utopian Type of Consciousness in Velimir Khlebnikov's Supersaga Zangezi. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 191–217. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/82/9
6. Obrazhey, O.N. (2012) Detsstvo kak obekt sotsiologicheskogo izucheniya [Childhood as an Object of Sociological Study]. *Sotsiologicheskiiy almanakh*. 3. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/detsstvo-kak-obekt-sotsiologicheskogo-izucheniya>
7. Myasnikov, L.N. (2023) Etyud o seme i zhenshchine v literaturnoy utopii [Essay on Family and Women in Literary Utopia]. *Izvestiya Velikolukskoy gosudarstvennoy selskokhozyaystvennoy akademii*. 2 (43). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/etyud-o-semie-i-zhenshchine-v-literaturnoy-utopii>
8. Balina, M. (2018) Detskaya istoricheskaya proza: k voprosu o zhanrovoy spetsifike [Children's Historical Prose: On the Question of Genre Specificity]. *Detskie chteniya*. 1 (13). pp. 114–140.
9. Rudova, L. (2018) "Novye syuzhety" dlya novogo nemetskogo rebenka, ili "poeziya nauki" M. Ilina v detskoy literature GDR ["New Plots" for the New German Child, or the "Poetry of Science" by M. Ilyin in GDR Children's Literature]. *Detskie chteniya*. 1 (13). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-syuzhety-dlya-novogo-nemetskogo-rebenka-ili-poeziya-nauki-m-ilina-v-detskoy-literature-gdr>
10. Nefedova, L.K. (2006) Arkhetipicheskie osnovaniya reprezentatsii obrazov detstva [Archetypal Foundations of Childhood Representation]. In: *Klassicheskie i neklassicheskie modeli mira v otechestvennoy i zarubezhnoy literaturakh* [Classical and Non-Classical World Models in Russian and Foreign Literature]. Volgograd: VolSU. pp. 187–192.
11. Arzamastseva, I.N. (2003) *"Vek rebyonka" v russkoy literature 1900–1930 godov* ["The Century of the Child" in Russian Literature of the 1900–1930s]. Moscow: Prometey.
12. Dobrenko, E. (2000) Sotsrealizm i mir detstva [Socialist Realism and the World of Childhood]. In: *Sotsrealisticheskiiy kanon* [Socialist Realist Canon]. St. Petersburg: Akademicheskiiy projekt. pp. 31–41.
13. Gudkova, V.V. (2008) *Rozhdenie sovetskikh syuzhetov: tipologiya otechestvennoy dramy 1920-kh – nachala 1930-kh godov* [The Birth of Soviet Plots: Typology of Russian Drama of the 1920s – Early 1930s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
14. Muradyan, O. (2019) Etika detstva v "idealom" mire: sovremennaya antiutopiya v kinematographe [The Ethics of Childhood in an "Ideal" World: Contemporary Dystopia in Cinema]. In: *Utopisticheskie proekty v istorii kultury* [Utopian Projects in Cultural History]. Rostov-on-Don: Southern Federal University. pp. 89–90.

15. Shklovskiy, V. (1966) *Staroe i novoe. Kniga statey o detskoj literature* [Old and New: A Book of Articles on Children's Literature]. Moscow: Detskaya literatura.
16. Ilyin, M. (1930) *Rasskaz o velikom plane* [Story of the Great Plan]. Moscow-Leningrad: Gosizdat.
17. Kataev, V.P. (1986) *Doroga tsvetov* [The Road of Flowers]. In: *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 9. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 247–318.
18. Kataev, V.P. (1983) *Vremya, vperyod!* [Time, Forward!]. In: *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 243–536.
19. Prishvin, M. (1990) *Lesa k "Osudarevoy doroge" 1909–1930. Iz dnevnikov* [Forests to the "Tsar's Road", 1909–1930. From the Diaries]. *Nashe nasledie*. 1 (13). pp. 64–85.
20. Agenosov, V.V. (1989) *Sovetskij filosofskiy roman* [The Soviet Philosophical Novel]. Moscow: Prometey.
21. Prishvin, M.M. (1957) *Osudareva doroga* [The Tsar's Road]. In: *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoy literatury. pp. 83–320.
22. Andreeva, S.L. & Bedrikova, M.L. (2018) Genre Features of Dystopia in Yuri Davydov's "Afrikanский Variant". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 49. pp. 113–135. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/49/8
23. Kovalev, V.A. (1982) *Leonid Leonov: Seminar* [Leonid Leonov: A Seminar]. Moscow: Prosveshchenie.
24. Leonov, L.M. (1987) *Barsuki* [The Badgers]. Moscow: Sovremennik.
25. Trubetskoy, E. (1990) "Inoe tsarstvo" i ego iskateli v russkoy narodnoy skazke ["Another Kingdom" and Its Seekers in Russian Folk Tales]. *Literaturnaya uchyoba* [Literary Studies]. 2. pp. 100–118.
26. Leonov, L.M. (1983) *Doroga na Okean* [Road to the Ocean]. In: *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–510.
27. Hugo, V. (1988) *Otverzhennye* [Les Misérables]. In: *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Pravda.

Информация об авторах:

Андреева С.Л. – канд. филол. наук, доцент кафедры педагогического образования и документоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия). E-mail: 216zamsv@mail.ru

Бедрикова М.Л. – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия). E-mail: mlbedrikova@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.L. Andreeva, Cand., Sci. (Philology), associate professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: 216zamsv@mail.ru

M.L. Bedrikova, Cand., Sci. (Philology), associate professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: mlbedrikova@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.06.2024;
одобрена после рецензирования 07.08.2024; принята к публикации 19.05.2025.*

*The article was submitted 29.06.2024;
approved after reviewing 07.08.2024; accepted for publication 19.05.2025.*